

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

ЕВГЕНИЙ ШАЛАШОВ
ОЛЕГ КОВАЛЬЧУК

ВОЛЯ
ИМПЕРАТОРА
ДВОЙНИК

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ш18

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»
Выпуск 55
Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Шалашов, Евгений
Ковальчук, Олег

Ш18 Воля императора. Двойник: роман / Евгений Шалашов, Олег Ковальчук. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Фантастический боевик. Новая эра).

ISBN 978-5-17-162470-5

Идеальная Россия 1940 года! При абсолютной монархии нет даже намёка на недовольство. Нет необходимости с кем-то воевать, потому что соседи уважают Россию. Здесь рука об руку сосуществуют магия и наука, развита промышленность. Остальным странам остаётся лишь завидовать.

Бывший учитель истории Александр, погибнув в своём мире, счастлив, что, хоть и не по собственной воле, возродился здесь в ином обличье и качестве. Надо бы привыкать, постепенно вживаться в новую роль, но события развиваются слишком стремительно. Император угасает и готовит преемника на трон, а над страной нависла катастрофа, которую, похоже, видит только Александр.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Евгений Шалашов, 2024
© Олег Ковальчук, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-162470-5

Глава 1

У ЗЕРКАЛА

Утверждать на сто процентов не возьмусь, но я, кажется, не умер. Дышу, что-то чувствую...

Последнее, что запомнил, — как придерживал дверцу, чтобы народ успел выскочить... Потом меня с силой швырнуло о металлический борт. После чего всё вокруг залило пламенем.

Помню грохот взрыва и... чувство, что боль разрывает меня на части. Даже думать об этом больно.

Человек на две трети состоит из жидкости, а если она закипает, то тело попросту разрывает на куски. А раз тела больше нет, может, здесь присутствует только моя душа? Нет, душе в туалет не хочется, а мне вот хотелось. А ещё хотелось пить.

Эх...

Наверное, я в госпитале. Хорошо, что нет боли, но даже представить боюсь, что обнаружу, когда начну себя исследовать.

Раскрыл глаза и огляделся. Комната, в которой находился, явно не похожа на больничную па-

лату. Скорее на вполне обычную комнату обычного жилого дома. Потолки высокие, похоже, дом очень старый. Сталинская постройка? Или ещё дореволюционная? Мебель тоже какая-то старомодная, хотя и заметно, что дорогая. Вон, зеркало в деревянной резной раме. Я такое только в музее видел. У противоположной стены шкаф со стеклянными дверцами, наполненный книгами с золотыми и серебряными переплетами. Около окна массивный письменный стол, на котором аккуратные стопки книг, какие-то бумаги, письменный прибор. Неужели чернильный?

Глубоко вздохнув, я решил-таки осмотреть себя и... не обнаружил абсолютно ничего необычного. Цел. Ран или повязок не видно.

Видимо, я родился в рубашке. А думал, что конец мне. Тут меня настигла мысль: а может, и правда конец? Может, я на том свете?.. Я всё-таки погиб, а теперь попал куда-то туда, где мне зачем-то воссоздали историческую обстановку. Как-никак историк. Глупость, конечно, но в голову ничего более здорового не лезло...

Хотя я ведь мог провалиться в коме, а потом меня перевезли из больницы на какую-нибудь частную квартиру с музейной обстановкой? Эта версия была ещё бредовее: где сейчас такая обстановка отыщется, и на кой леший кому-то понадобилось меня куда-то перевозить... Но как объяснить всё?

Ну не может же быть всё настолько хорошо. Я не верю в чудеса. И тот взрыв мне не приснился. Как минимум ему многое предшествовало.

Обругав себя за пессимизм, я поднялся на ноги и, убедившись, что и правда в порядке, пошёл-таки к зеркалу. В зеркале был... я. Но что-то всё равно было не так, будто я стал моложе. Да и зрение, которое лет пять как испортилось, очков не требовало. Провел языком во рту. Хм... А куда делась пломба? И вот здесь откуда-то взялся зуб, который был вырван ещё на первом курсе. Сам виноват — можно было вылечить, а я боялся идти к стоматологу. А зуб-то на месте. Складывалось ощущение, что я помолодел лет на десять. Похоже, вариант с комой тоже отпадает.

Я смотрел на знакомого незнакомца, отражающегося в зеркале. Это был и я, и не я. Таким я был десять лет назад, когда заканчивал универ и ухаживал за Маринкой. Маринка... И дети... Они ведь не знают, что я в порядке. Надо срочно их найти!

В этот момент я заметил за спиной какую-то тень. Хотел было обернуться, но в следующий миг меня обхватил кто-то со спины, а на горле сцепились сильные пальцы. Я попытался высвободиться, но будто в стальных тисках оказался. В следующий миг я понял, что в зеркале-то никого нет! Да что здесь происходит вообще?!

Я судорожно принялся вырываться из хватки, при этом ища хоть что-то, что можно использовать в целях самообороны.

— Спокойно. Не дёргайтесь. — От этого голоса у меня мурашки пробежали по спине. Успокаиваться я не собирался, но раз уж злоумышленник решил поговорить, послушаем. — Мне велено передать вам послание и убедиться, что вы его серьёзно

ёзно воспримете. Кивните, если понимаете, что я говорю.

Я кивнул, по-прежнему пытаюсь разглядеть того, кто прятался за моей спиной. Кстати, я с трудом разглядел чужую руку на своём горле: она, будто кожа хамелеона, сливалась с окружающим пространством.

— Вы больше не в своём мире. Теперь вас зовут Павел Алексеевич Кутафьев. От того, как быстро вы вживётесь в свою новую роль, будут зависеть ваше будущее и ваша жизнь. Вам всё понятно?

Я снова кивнул.

— Не забывайте, — произнёс голос и хватка тут же исчезла.

Я резко развернулся, готовый напасть на обидчика, но комната была пуста. Так, он же спрятался! Я ведь даже руку его разглядеть не мог.

Я с минуту внимательно оглядывал комнату, при этом вода перед собой руками, но помещение выглядело пустым.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — рассеянно ответил я на автомате.

В комнату вошла совсем молодая девушка в сером платье а-ля гимназистка, белом переднике, а на голове какая-то беленькая шапочка вроде косынки. А, вспомнил — наколка.

Я подозрительно посмотрел на девушку.

Это у нас кто? Горничная? Или у кого-то такие дурацкие ролевые игры? Я не сразу сообразил, что стоял... Нет, не в трусах, а почему-то в кальсонах и нательной рубашке, которые до этого

видел лишь по телевизору. Говорят, в армии их ещё в начале девяностых годов упразднили. Девушка тут же опустила взгляд и залилась краской.

— Здравствуйте, — поздоровался я.

— Здравствуйте, Павел Алексеевич, — ответила девушка, — вас Ирина Львовна зовёт.

Ну, с Павлом Алексеевичем я уже почти смирился, поэтому решил не вдаваться в расспросы, почему она меня так назвала, вместо этого спросил другое:

— Кто такая Ирина Львовна?

— Как кто? — охнула девушка. — Ваша матушка... Ну и шутки у вас, право.

Глава 2

ЗНАКОМСТВО С РОДИТЕЛЯМИ

То и дело оглядываясь, я кое-как отыскивал одежду, хоть она и висела в шкафу. Непривычно копаться в чужих вещах, хотя горничная и уверяла, будто комната моя вместе со всем имуществом. Да и человек этот таинственный... Ну раз уж они утверждают...

Умудрился одеться без посторонней помощи, хоть это оказалось и непросто. Брюки вполне обычные, ещё и по размеру, только с пуговицами вместо молнии, рубашка тоже села как влитая. Так, галстук... Ну, раз висит, значит нужно его повязывать. С душевным скрипом умудрился-таки завязать кривой узел, отдаленно напоминающий «виндзор». Пока одевался, то и дело выглядывал в окно. Увидел не больше десятка автомобилей, и выглядели они, мягко говоря, необычно. Можно было бы предположить, что они все раритетные, но я хорошо разбираюсь в марках автомобилей и ничего знакомого разглядеть не смог. Однако оставалось ощущение, что будто в прошлое попал. Кричащей рекламы газировки и других товаров

народного потребления тоже не увидел. Зато какой-то мальчишка голосил, продавая газеты.

Я прислушался к крикам зазывалы.

— Наместница императора в Финляндии, вдовствующая великая княгиня Анастасия расторгла помолвку с племянником германского императора! — надрывался паренёк, а я аж головой помотал. Бред какой-то. Император Финляндии...

Будто и правда другой мир.

Наконец одевшись, оглядел себя в зеркале. Наверное, глуповато выходить к завтраку в собственном доме при полном параде, но мне почему-то показалось это правильным. Раз я теперь Павел, а внизу мои родители, попробую подыграть и посмотреть, что из этого выйдет.

Однако с полным парадом я явно перемудрил. В столовой, что размером превышала две моих комнаты, за длинным столом сидел пожилой мужчина в халате и с газетой в руках. Напротив него расположилась довольно милостивая женщина, удивительно похожая на мою мать, в простом домашнем платье. Во всю стену огромный буфет, а внутри нечто фарфоровое и очень дорогое. Очень похоже на Гарднера или Виноградова. Если так, то люди, которых горничная назвала моими родителями, люди очень не бедные. На противоположной стене огромное окно, демонстрирующее совсем не современный вид на город.

На столе... Нет, не хрусталь и бронза, а фаянс и серебро, а ещё салфетки. Очень интересно, я будто на приёме. Мне не забыть бы, что нож дер-

жат в правой руке, а вилку — в левой. Про остальное и подумать боюсь.

Голова кругом идёт.

Нарочито медленно подошёл к столу, чтобы получше оценить обстановку и разобраться в происходящем.

Окно оказалось приоткрыто, и с улицы донеслись крики чаек. В принципе, озерными чайками никого не удивить, но эти орали так противно, словно недалеко море. Хотя из окна комнаты, где проснулся, ничего подобного видно не было.

Уставившись в окно, смог получше рассмотреть дом, расположенный напротив. Выглядел он так, будто это декорация из фильма про старый Санкт-Петербург.

Да уж, всё вокруг будто нарочно сбивает с толку.

Предположим, что я уже почти смирился с тем, что каким-то образом попал в прошлое. Да и Питер мне всегда нравился. По крайней мере, не Сибирь и не Англия... В Питере я хоть немного ориентируюсь. Но что я здесь делать-то буду?

Мои предполагаемые родители занимались своими делами, а я замешкался, судорожно пытаюсь сообразить, как следует с ними поздороваться. Учитывая все признаки, я оказался в начале двадцатого века. По крайней мере, тогда прислуга была вполне обычным делом.

Я помассировал переносицу, пытаюсь оживить в памяти хоть что-то: фильмы, книги, исторические издания. Надо ведь понять, как себя вести, чтобы не выдать с головой своё самозванство. Может, нужно поцеловать ручку у матушки, а заодно

приложиться устами к волосатой лапе папеньки? Ну нет, последнее точно будет лишним. Это больше относится к итальянским фильмам про сицилийскую мафию.

А как обращаться к ним? На «ты» или на «вы»? И вопрос не странный, в некоторых регионах современной России, не говоря уже о соседях, принято к родителям обращаться исключительно на «вы». Друг-украинец, помнится, говорил своей маме «мама, вы», чем меня всё время изумлял.

На периферии зрения мне показалось движение какой-то тени. Похоже, у меня теперь паранойя развиваться начнёт, однако это заставило соображать быстрее.

Эх, была не была. Раз уж оказался посреди исторического кинофильма, значит буду отыгрывать на полную.

— Доброе утро, — поприветствовал я. Подошел к матушке и, приобняв ее за плечи, поцеловал в щечку.

— Доброе утро сынок, — удивлённо округлив глаза, поприветствовала меня Ирина Львовна и погладила по руке. Она тут же потянулась и чмокнула меня в лоб. Я от этого смутился. Да и матушка, очевидно, удивилась сыновьему поцелую. Однако явно порадовалась ласке.

— Хм... — удивленно вскинулся поверх газеты мужчина, считающийся моим отцом. Кажется, у парня, на чьём месте я оказался, не было привычки проявлять излишние чувства к родителям. Отметим. Лучше не переигрывать. Хотя мне от поглаживания по руке стало гораздо легче, да и на

душе спокойнее. Определённо, эта женщина даже слишком похожа на мою мать, оставленную где-то в прошлом, за чертой смерти.

Отца я, конечно же, целовать не стал — как минимум не привык целоваться с мужчинами, пусть и считающимися мне родней. Просто ограничился поклоном.

— Ира, у вас какие-то новости? Я чего-то не знаю? — удивленно спросил папаша, переводя взгляд с меня на мать. — Обычно он как варвар, в одном исподнем заявляется, и сразу за еду. А тут вышел при галстукке... Или это весна так на юношу повлияла?

Ещё прокол. Лучше не выпендриваться.

— Алексей, мальчик много занимается, — вступилась за меня Ирина Львовна. — Может, у него сегодня экзамен. Он будущий адвокат. Не то что ты со своим скудным коммерческим училищем.

— Судьёй, — поправил тут же отец, а затем повторил с нажимом: — Наш сын будет судьёй. И, к слову, сегодня выходной.

Ирина Львовна лишь закатила глаза и принялась обмахивать себя взявшимся откуда-то веером.

Вот оно как. Значит, я в роли студента и учусь на правоведа, то есть юриста. И судя по всему, учусь хорошо. А я ведь историк по образованию. На юриспруденцию похоже, но очень отдалённо и в полной темноте. Ну ладно, выкручусь как-нибудь. На крайний случай окончит Павел свой университет на тройки. Если, конечно, до этого

момента я не вернусь в своё время... Хотя, учитывая, что предшествовало моему перемещению сюда, похоже, что мне некуда возвращаться.

— В любом случае у мальчика образование будет куда лучше, чем у отца, — продолжила тем временем Ирина Львовна. — Правовед — это уже не купец.

— Правовед, хреновед, — забурчал отец. — А может, лучше бы и в коммерцию пошёл. Как все люди пошёл бы по стопам отца. Мы промышленники в третьем поколении, а сын... правовед. Так что или переучиваться, или судья, я всё сказал. — С этими словами отец снова спрятался за газетой.

Мать в ответ что-то проворчала. Я лишь некоторые обрывки смог уловить:

— ...Кому мешало образование? ...Государственная карьера... Семейная контора... Потомственным дворянином...

Я жадно впитывал информацию, следя за их пикировкой и почти не дыша: боялся спугнуть.

— А ты чего стоишь? — вдруг посмотрела на меня мать. — А есть кто будет? Пушкин?

Однако отец, который, похоже, тоже уловил некоторые обрывочные фразы, так просто сдаваться не собирался:

— Ирочка, мы уже с тобой сто раз говорили о твоих дворянских корнях и о твоей длинной, как у породистой болонки, родословной. Право слово.

Внутренне порадовавшись тому, что внимание матери снова отвлечено, принялся дальше